

Ступени, ведущие в бездну

Автор:

Рик Янси

Ступени, ведущие в бездну

Рик Янси

Монстролог #4

Таинственный монстролог доктор Уортроп и его ученик, сирота Уилл Генри, охотятся на чудовищ, разгадывают тайны, терзающие человечество, и приближаются к ответу на самые важные вопросы. Что же такое настоящий монстр? Кого можно считать чудовищем? И зачем inferнальные создания приходят в наш мир? Кем мы были до встречи с ними? И кем станем после?..

Рик Янси

Монстролог. Ступени, ведущие в бездну

Посвящается фанатам, яростным и преданным, без которых не было бы этой книги

Земную жизнь пройдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу,

Утратив правый путь во тьме долины.

Данте

Rick Yancey

The Final Descent

Copyright © 2013 by Rick Yancey

© Н. Екимова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Благодарности

«Монстролог» был задуман как одно повествование, а вырос в нечто совершенно другое. Но, вероятно, такова судьба любого творческого начинания, и я должен был заранее знать, что путь будет порой мучителен, полон непредвиденных опасностей и неожиданных ответвлений. Написать книгу о монстрах-людоедах, сеющих панику вокруг, сравнительно просто, куда сложнее исследовать непроглядный мрак, царящий у человека внутри. Временами я сам переставал понимать, что именно я пишу, но никогда у меня не было сомнения в том, стоит ли. Даже в самые темные времена – а такие были – я держался. И хотя я не всегда знал, что именно у меня есть, но никогда не сомневался, что кое-что все-таки имеется.

И я был не одинок в этой вере. Брайан Де Фиоре, агент необыкновенного дарования, был рядом с самого начала; также и неоценимый Дэвид Гейл, редактор, чрезвычайно терпеливый человек, лучше многих понимающий особенности творческого процесса. Отдельной благодарности заслуживает и вся команда издательства «Саймон энд Шустер», в особенности Жюстин Чанда и Нава Вульф.

Эта книга – как и все остальные мои книги – никогда не состоялась бы без поддержки и постоянной веры в меня моей жены, Сэнди. Она – живое доказательство того, что главное в жизни – правильно выбрать жену, а не университет.

И, наконец, самое важное: я благодарю моих читателей, которые восстали, узнав, что жизни их любимой книги грозит опасность. Если бы не они, история Уилла и доктора Уортропа осталась бы без конца. Их реакция тронула меня безмерно, хотя я понимаю, что дело тут вовсе не во мне, а в полюбившихся персонажах. Я разделяю чувства моих читателей. И от души надеюсь, что они не будут разочарованы.

Предисловие редактора

Из тринадцати тетрадей, найденных у человека по имени Уильям Джеймс Генри, скончавшегося в доме престарелых в 2007 году, три последние прочесть оказалось особенно трудно, а перевести их в какую-то приемлемую форму, по правде говоря, почти невозможно. Есть места, где рукопись делает практически нечитабильной, и не только из-за почерка. В одних случаях трудно разобрать сами слова, в других – понять, что именно они значат. Фрагменты стихотворных текстов перемежаются с бесцельно повторяющимися словами, примечаниями, нацарапанными на полях, и даже рисунками, то и дело возникающими в ткани текста и сопровождающими рассказ от начала и до конца, хотя рассказом его можно назвать лишь весьма условно. Потребовались месяцы упорного труда, чтобы разрозненные куски начали складываться в какую-то ясную картину. Текст пришлось подчистить: убрать из него все наиболее крепкие выражения и бесконечные отсылки к самому широкому кругу не идущих к делу предметов: от рецепта булочек с малиновым джемом до темных эзотерических материй, рассуждений о философии греков и пассажей из истории организованной преступности. Также пришлось добавить знаки препинания там, где это было абсолютно необходимо, поскольку сам автор уже к середине текста забросил все попытки справиться с ними; правда, в иных местах я сохранил его «ошибки» без

изменений, полагая, что у него могли быть особые причины для нарушения правил. Как отметит внимательный читатель, повествовательное время то и дело меняется с прошедшего на настоящее и обратно – все это я также предпочел оставить без изменений. В конце концов, грамматический императив должен иногда уступать драматическому. Ответственность за деление текста на части также лежит целиком на мне: так я решил почтить Данте, на чей шедевр в повествовании немало ссылок.

Однако борьба с физической составляющей текста была отнюдь не самой сложной задачей.

Буду честен: покончив с последним томом, я испытывал к нему ненависть, не больше и не меньше. Однако потом к ненависти примешалось еще одно чувство: меня предали. Уилл Генри меня предал. Он разыгрывал меня, водил за нос. Или нет? По тексту тут и там были разбросаны намеки, предупреждающие знаки. Я достаточно долго прожил с первыми десятью томами, чтобы понимать, точнее, ясно видеть, куда ведут меня последние три. В глубине души я рано понял, что именно ждет его на самом дне. Он написал: я понимаю, у вас может возникнуть желание повернуть назад. И вы можете так поступить, если хотите.

Немного успокоившись, я снова перечитал все тринадцать фолио, и в девятом натолкнулся вот на что:

Она ненавидела и любила его, тянулась к нему и отталкивала его, кляня себя за то, что не может оставаться равнодушной.

Вот оно, подумал тогда я. Так оно и есть, лучше не скажешь.

Р.Я.

Гейнсвилль, Фл.

март, 2013

Книга двенадцатая

Джудекка

О, если вежды он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!

Данте, «Ад».

Часть первая

Глава первая

Я жажду конца, но он все ускользает.

Хотя настиг его.

Он умер,

А я, вмурованный в джудеккский лед,

Все продолжаю жить.

Если бы я мог назвать безымянное

Мой отец в жару, живые черви сыплются из глаз.

Их изрыгает его рассеченная плоть.

Выблевывает рот.

Горю, кричит отец. Горю!

Его зараза, наследие мое.

Если бы я мог встать лицом к лицу с безликой тварью

Из огненных глубин мне слышен их двойной нестройный вопль. Пылая, они танцуют свой последний вальс.

Отец и мать, вальсируют в огне.

Если бы я мог разнять их

Если бы я мог распутать узел

Найти ту нить и потянуть,

Но так, чтоб все распалось от конца и до начала

Но нет начала, нет конца, и между ними тоже нет ничего

Начала есть концы

А все концы едины.

Время – вот прямая,

Да только человек – кольцо на ней.

Глава вторая

Когда их не стало, меня забрал к себе констебль.

Всю дорогу я не выпускал из рук отцовский подарок – пропахшую древесным дымом шапчонку. Жена констебля вытирала мне лицо тряпицей, смоченной в воде, а я молчал – у меня отняли голос те, кто танцевал в огне, вонь их горячей плоти, треск жадных красных челюстей и звезды, обнаженно сиявшие надо мной, пока я бежал. Алые пасти, белые глаза, и черви, осквернившие священный храм: белые черви, бледная плоть, алые пасти, белые глаза.

Их конец – мое начало.

Время – узел.

Вечер и утро стали днем первым.

Сначала я слышу голос, потом вижу лицо:

– Я пришел за мальчиком.

Меня накрывает черная тень. Его лицо – загадка, его голос – тяжкие оковы, они тянут меня вниз, пригибают к земле.

– Ты знаешь, кто я?

Я прижимаю шапчонку к груди.

Киваю. Да, я знаю, кто он.

– Вы – монстролог.

– Ты ему никто, Пеллинор.

– А разве у него есть кто-то еще, Роберт? Его отец умер, служа мне. Я перед ним в долгу. Видит Бог, я не просил об этой чести, но теперь я либо отплачу добром за добро, либо паду, исполняя свой долг.

– Прости меня, Пеллинор, я не хочу тебя обидеть, но мой кот больше годится на роль опекуна, чем ты. Сиротский приют...

– Я не потерплю, чтобы единственный сын Джеймса Генри был заточен в это ужасное место. Злосчастные обстоятельства отняли у ребенка родителей, и я заберу его к себе.

Нагнувшись надо мной, монстролог светит на меня блестящим глазом фонаря, сам оставаясь в его тени:

– Возможно, он обречен; ты прав. В таком случае, его кровь тоже на мне.

А длинные ловкие пальцы уже нажимают мне на верхнюю часть живота, щупают под челюстью.

– Зачем он вам, Пеллинор? Он еще мальчик, и не пригоден для вашей работы, или как вы ее называете.

– Я сделаю его пригодным.

– Спать будешь наверху, – сказал монстролог. – Там же, где в твоём возрасте спал я. Мне там было уютно. Так как тебя, говоришь, зовут? Уильям, верно? Или ты предпочитаешь Уилл? Дай-ка мне эту шапку, тебе она сейчас не нужна. Я повешу ее на крючок, вот здесь. Ну? Что ты на меня так смотришь? Забыл, о чем я спрашивал? Как мне тебя называть: Уиллом, Уильямом или еще как-то? Отвечай! Как тебя зовут?

– Меня зовут Уильям Джеймс Генри, сэр.

– Хм-м. Слишком длинно. Может, сократим?

Я отворачиваюсь. Над кроватью в чердачной комнате было окно, в него смотрели звезды – точно так же, не мигая, как тогда, когда я бежал прочь от огненного

зверя, что сожрал их.

– Уильям... Джеймс... Генри, – прошептал я. – Уилл. – Что-то застряло у меня в горле, и я едва не подавился. – Джеймс... – Рот заполнил вкус дыма. – Ген... Ген...

Он громко и протяжно вздохнул.

– Что ж. Полагаю, сегодня нам вряд ли удастся прийти к согласию касательно твоего имени. Доброй ночи, Уилл...

– Генри! – закончил я, и он принял это как решение, хотя никаким решением это не было, а с другой стороны, было, поскольку было предreshено.

– Хорошо, пусть так, – сказал он и кивнул торжественно, точно отвечая какому-то неслышному мне голосу. – Доброй ночи, Уилл Генри.

Этот вечер и последовавшее за ним утро стали вторым днем.

Он был высок и худощав, его темные, глубоко посаженные глаза горели собственным глубинным огнем. Равнодушный к тому впечатлению, которое производила его внешность, он был всегда небрит и давно не стрижен. Даже неподвижно сидя в кресле, он всегда как будто вибрировал от переполнявшей его энергии. Он не ходил; он шествовал. Он не говорил; он витийствовал. Простая беседа – как и вообще все, что просто – давалась ему с трудом.

– Твой отец был надежным помощником, Уилл Генри, столь же осмотрительным, сколь и верным, а потому он вряд ли много рассказывал о своей работе в твоём присутствии. Изучение аберрантных форм жизни – занятие, малопригодное для детей, однако Джеймс говорил, что ты сообразительный мальчик, обладающий быстрым, хотя и недисциплинированным умом. Что ж, я не требую от тебя гениальности. Сегодня и всегда я жду от тебя только одного: преданности, не сомневающейся, не размышляющей, неуклонной. Мои инструкции следует исполнять немедленно, безошибочно и буквально. Почему – сам поймешь, со

временем.

Он притянул меня к себе. Я моргнул и сделал попытку отстраниться, но игла уже приближалась.

– Вот как? Ты боишься иголок? Придется тебе победить этот страх – и все остальные тоже, – если хочешь остаться у меня. В божьем мире есть вещи, которых следует бояться куда больше, чем этой маленькой иголки, Уилл Генри.

Имя моей болезни, неразборчиво нацарапанное на папке, лежавшей возле его локтя. Моя кровь – красная клякса на стекле. И взгляд в увеличительное стекло, сопровождаемый тихим, самодовольным хмыканьем.

– Есть? У меня тоже?

Черви, сыплющиеся из кровоточащих глаз отца, из его раскрывающихся нарывов.

– Нет. И в то же время да. Хочешь взглянуть?

Нет.

И да.

Глава третья

Всякий раз, заводя этот разговор, – что случалось не часто, – он давал мне один и тот же совет, называя его своим «особым благословением». Звучал он так:

«Никогда не влюбляйся, Уилл Генри. Любовь, брак, семья – все это будет для тебя катастрофой. Организм, обитающий внутри тебя, способен дать тебе такую долгую жизнь – если, конечно, не размножится чрезмерно, и тебя не постигнет судьба твоего отца, – что ты увидишь, как дети твоих детей канут в Лету и будут

всеми забыты. Ты обречен потерять всех, кого будешь любить на этом свете. Они уйдут, а ты останешься».

Я принимал его совет близко к сердцу – по крайней мере, сначала, а потом мое сердце предало меня, как это обычно случается с сердцами.

Я все еще храню ее портрет, тот, который она дала мне, когда я последовал за монстрологом на Кровавый Остров. На счастье, сказала она тогда. Смотри на него, когда тебе будет одиноко. Портрет уже потрескался и выцвел, но за прошедшие годы я смотрел на него столько раз, что он запечатлен в моей памяти навеки. И теперь мне не нужно глядеть на нее, чтобы увидеть.

С того дня, когда она дала мне портрет, до вечера, когда я снова ее увидел, прошло три года. Вечность для шестнадцатилетних. И один миг для обитателя скованной вечным льдом Джудекки.

– Я принял решение: это мое последнее суаре перед конгрессом, – сказал тогда Уортроп, перекрикивая музыку. Оркестр был не очень – как всегда, – зато еды в изобилии, и она не только искушала (доктора, по крайней мере), но была абсолютно бесплатной. Уортроп, когда не работал, демонстрировал воистину чудовищный аппетит; он, как дикий зверь, способен был нажираться про запас, в предвидении тощих времен. В тот момент он как раз приканчивал блюдо устриц, топленое масло текло по его свежесбритому (мною) подбородку.

Он подождал, пока я спрошу, почему, но, не дождавшись, продолжил:

– Полная комната танцующих ученых! Это было бы смешно, не будь это так грустно.

– А мне нравится, – сказал я. – Это единственный вечер в году, когда монстрологи моются по-настоящему.

– Ха! Что-то не заметно, чтобы тебе нравилось – сидишь в своем углу с таким видом, как будто только что лучшего друга потерял. – Кринолин порхнул над сверкающим паркетом, приоткрыв изящные ножки, которые быстро семенили, чтобы не быть отдавленными неуклюжими ногами танцующих ученых. – Однако прошу тебя – до десяти сорока держи свое настроение в узде. – И он сверился с карманными часами. Уортроп не срывал банк больше шестнадцати лет – то есть

дольше, чем я жил на свете – и явно считал, что его время пришло. Ему так отчаянно хотелось победить, что, по-моему, он не остановился бы и перед мошенничеством. Сам инициировать бой он не мог – в таком случае его ждала дисквалификация – однако правила не запрещали его верному ученику и ассистенту нанести первый удар.

Люстра сверкала огнями. Серебро звенело о фарфор. Занавеси краснели, столбы длинных шей вставали из жестких крахмальных воротничков, по-лебединому изгибались над обнаженными плечами, спины и плечи золотились, букеты в хрустальных вазах источали ароматы, возможности и несбыточные обещания клубились в воздухе, точно волосы прекрасной женщины, стекающие на ее спину.

– С моим настроением все в порядке, – запротестовал я.

Но Уортроп и слышать ничего не хотел.

– Может, для кого-то ты и загадка, но я вижу тебя насквозь, мистер Генри! Ты заметил ее сразу, едва мы вошли, и с тех пор не сводишь с нее глаз.

Я посмотрел на него в упор и ответил:

– Это неправда.

Он пожал плечами.

– Как хочешь.

– Просто я удивился, вот и все. Думал, что она в Европе.

– Я ошибся. Прости.

– Она раздражает меня, и совсем мне не нравится.

– Да. Она не стоит хлопот, согласен. – И он запрокинул голову, заглатывая очередную устрицу. Шестую. – Эти ее длинные письма, которые она пишет тебе всякий раз, когда уезжает, на них ведь надо отвечать – что отнимает у тебя

время, которое ты мог бы проводить с пользой, исполняя свои обязанности. Нет, я ничего не имею против женщин, но они такие... – Он поискал подходящее слово. – Врежьемкие.

Она была в фиолетовом платье с лентой того же цвета в волосах, отросших за время ее отсутствия; они струились по ее плечам каскадом пружинящих локонов. Она подросла, похудела, утратила девчачью пухлость. Солнце взошло, подумал я ни с того ни с сего.

– Это древний зов, – прошептал он рядом со мной. – Исключающий неповиновение. Только тот, кто распознал его природу, может противиться ему, как мы с тобой.

– Понятия не имею, о чем вы, – сказал я.

– Я говорю как ученый-биолог.

– А когда вы говорите иначе? – спросил я сердито. И схватил с подноса проходившего мимо официанта бокал шампанского: четвертый за вечер. Уортроп покачал головой. Сам он никогда не брал в рот спиртного и считал всех, кто поступал иначе, умственно, а то и морально неполноценными.

– Теперь никогда. – Он вяло улыбнулся. – Но и я был однажды поэтом, если помнишь. Знаешь ли ты разницу между наукой и искусством, Уилл?

– Я не настолько искушен в обоих, как вы, – был мой ответ. – Но, по-моему, любовь невозможно свести к чисто биологической потребности. Такой подход снижает цену первой и унижает последнюю.

– Как ты сказал – любовь? – Он был поражен.

– Я говорю теоретически. Я не люблю Лили Бейтс.

– Было бы очень странно, если бы ты любил ее.

Они все кружатся под сверкающими люстрами. Он неплохо танцует, этот ее партнер. По крайней мере, не занят постоянно наблюдением за собственными

ногами; напротив, его глаза неотрывно смотрят на ее лицо; а оно поднято к его лицу и следует за поворотом плеч, когда он плавно кружит ее по паркету.

«Дорогой Уилл, надеюсь, у тебя все хорошо».

– Почему? – спросил я у монстролога. – И какое вам до этого дело?

Темные глаза сверкнули:

– Пока за тебя отвечаю я, это именно мое дело. Уж поверь мне. В конце этого конкретного тоннеля света для тебя нет, Уилл Генри.

Я долго смотрел на него в ответ, потом фыркнул, и ледяной край бокала обжег мне нижнюю губу.

– Разве не вы учили меня извлекать уроки из поражений?

Он напрягся и ответил:

– Я не терпел поражений в любви. Это любовь потерпела поражение со мной.

«Какая чушь!» – подумал я. Типичная уортроповская белиберда, выдающая себя за глубокомыслие. Временами мне так хотелось врезать ему, что просто не было сил. Я поставил стакан, поправил галстук и провел ладонью по своим тщательно набриолиненным волосам, пока тот, кто танцевал гораздо лучше меня, кружил ее по залу: черный смокинг, фиолетовое платье. Убогая музыка гремела, скучные люди принужденно смеялись, капли крови убитых животных пятнали белоснежные просторы скатертей.

– Куда ты? – спросил он.

– Никуда, – сказал я и устремился в просвет между танцующими; меня тут же подхватило и понесло, как щепку в водовороте, но я, выбравшись, хлопнул его по широкому плечу, а Уортроп на том конце зала снова проверил часы. Ее партнер обернулся и раздвинул узкие губы, обнажив желтые крючковатые клыки.

– Твой танец следующий, парень, – сказал он с настоящим английским акцентом. Лили ничего не сказала, но ее поразительные голубые глаза сверкнули.

«Дорогой Уилл, прости, что не пишу тебе чаще».

– Хватит тебе ее тискать, – сказал я. И прямо обратился к ней: – Здравствуй, Лили. Как насчет подарить один танец старому другу?

– Разве не видишь, ей нравится танцевать с тем, кто знает в этом толк. Иди лучше, открой еще одну устрицу, а танцы предоставь настоящим джентльменам.

– Вот именно. – Я улыбнулся. И тут же вдавил локоть правой руки в его адамово яблоко. Он согнулся, хватаясь руками за горло. Я завершил дело коротким ударом в висок. Если ударить туда как следует, можно и убить. Он рухнул к моим ногам. Возможно, мертвый; мне было все равно. Я схватил Лили за руку, а вокруг нас уже бешено взлетали и опускались кулаки.

– Сюда! – шепнул я ей в ухо. И потащил за собой к буфету, где уже топал ногами разгневанный и раздосадованный Уорттроп. До десяти сорока пяти оставалось еще несколько минут; он снова проиграл. Через комнату пролетел стул; мужской голос взревел, перекрывая грохот:

– Господь всемогущий, я думал, ты его сломаешь! – Музыка распалась на нестройные аккорды, как разбитая ваза на куски; мы выскочили через боковую дверь в проулок, где в металлической бочке горел огонь: золотое пламя, черный дым и запах лаванды от ее ладони, когда она ударила меня по щеке.

– Идиот.

– Я спас тебя, – возразил я, пуская в ход свою самую небрежную улыбку.

– От чего?

– От посредственности.

– Сэмюэль очень хорошо танцует.

- Сэмюэль? Имя, и то банальное.

- Да уж, куда там до экзотического Уильяма.

Щеки ее горели, грудь бурно поднималась и опускалась. Она попробовала оттолкнуть меня и пройти; я ей не позволил.

- Куда ты? - спросил я. - Входить туда теперь полное безумие. Там если не подносом зашибут, так полиция загребет, она уже скоро будет. Тебе что, хочется в тюрьму? Давай лучше покатаемся.

Я взял ее за локоть, она легко вывернулась. Моя ошибка - надо было держать правой.

- Зачем ты его ударил?

- Чтобы защитить твою честь.

- Чью-чью?

- Ну, хорошо, свою. Но он должен был уступить. Порядочные люди так не делают.

Она все же рассмеялась; ее смех звенел, как дождь из монет, льющийся на серебряный поднос - это в ней, по крайней мере, не изменилось.

Я подталкивал ее к выходу из проулка. Днем мостовую намочил дождь, а ночью подморозило. У нее были голые руки, так что я стянул с себя пиджак и накинул ей на плечи.

- Ты то скотина, то джентльмен, - сказала она.

- Я человек, эволюционирующий в микрокосмос.

Подозвав такси, я дал шоферу адрес и скользнул на сиденье рядом с ней. «Черный пиджак хорош на фиолетовом фоне», - подумалось мне. Ее лицо то

пропадало в тени, то вспыхивало, когда мы проезжали мимо фонарей.

- Это что, похищение? - спросила она громко.

- Спасение, - напомнил я. - Из когтей посредственности.

- Снова это слово. - Она нервно разгладила складки своего платья.

- Слишком красивое для такого ужаса. Долой посредственность! Кто такой Сэмюэль?

- Хочешь сказать, что ты его не знаешь?

- Ты же нас не представила.

- Он помощник доктора Уокера.

- Сэра Хайрама? Подумать только. Хотя, впрочем, вполне возможно. Подобное с подобным, так, кажется, говорят.

- По-моему, говорят как раз иначе.

Я отмахнулся. Жест был заимствован у монстролога, но презрение я в него вложил целиком мое собственное.

- Клише - орудие посредственности. Я же стремлюсь к оригинальности, мисс Бейтс.

- Я скажу тебе, когда у тебя получится.

Я засмеялся и ответил:

– Я пил шампанское. И не отказался бы от кое-чего еще. – Мы ехали мимо реки. Пахло морской солью и гниющей рыбой – запах, свойственный всем набережным. Холодный ветер играл ее волосами.

– Ты пристрастился к алкоголю? – спросила она. – И как ты скрываешь это от своего доктора?

– Сколько я знаю тебя, Лиллиан, столько ты зовешь его моим доктором. Пора бы уже перестать.

– Почему же?

– Потому что он не мой доктор.

– Так он не возражает, что ты пьешь?

– Это не его дело. Когда я вернусь в отель сегодня вечером, он спросит: «Где ты был, Уилл Генри?». Придав голосу необходимой суровости. А я отвечу: «Исходил всю землю вдоль и поперек, да еще прогулялся под нее и обратно». А может быть, и так: «Не твое дело, ты, старый мешок с трухой». В последнее время он стал таким ворчуном. Но я не хочу говорить о нем сейчас. Ты отрастила волосы. Тебе идет.

Что-то внутри меня освободилось. Возможно, виной тому был алкоголь, а возможно, и нечто иное, не столь определенное. Свет на ее лице продолжал соперничать с тенью, но в моей душе такой борьбы не было.

– А ты вырос, – сказала она, касаясь пальцами волос. – Немного. Я тебя даже не сразу узнала.

– А я тебя сразу, – сказал я. – Как только увидел. Хотя и понятия не имел, что ты снова в Штатах. Давно ты приехала? Почему вернулась? Я думал, ты еще на год останешься.

Она засмеялась.

– Ба, какой ты стал разговорчивый! Совсем не похоже на прежнего Уилла Генри. Что за бес в тебя вселился?

Конечно, она меня дразнила, но я уловил и слабые обертоны страха в ее голосе, легкое дрожание неуверенности, восхитительный трепет от встречи с неизвестным. В этом мы были с ней похожи: нас обоих притягивало отталкивающее, манило ужасающее.

– Древний зов, – сказал я со смехом. – Исключающий неповиновение!

Такси резко затормозило. Я заплатил шоферу, дав ему щедрые чаевые, чем выразил презрение к докторским замашкам скупердяя, и помог Лили выйти. На холоде все звуки стали отчетливее, и я ясно слышал шуршание ее накрахмаленной юбки и шелест кружев.

– Зачем ты привез меня сюда, Уильям? – спросила Лили, глядя на высящееся перед нами здание, с карнизов которого таращились горгульи.

– Хочу показать тебе кое-что.

Она бросила на меня тревожный взгляд. Я засмеялся.

– Не бойся, – сказал я. – Ничего похожего на наш последний визит в Монстрариум.

– Я тут ни при чем. Это тебе понадобилось доставать ту тварь.

– Насколько я помню, это ты просила меня определить ее пол, хотя сама отлично знала, что это гермафродит.

– А насколько я помню, ты решил, что лучше голыми руками взять монгольского червя смерти, чем сознаться в своем невежестве.

– Короче, я хочу сказать, что сегодня нам не угрожает ровным счетом ничего, кроме, конечно, Адольфа.

Мы вошли в дом. Взяв меня под руку, она спросила:

– Адольф? А он что, не уходит домой по вечерам?

– Иногда он засыпает прямо за своим столом.

Я распахнул дверь под вывеской «Вход только для членов Общества». Сразу за ней начиналась узкая полутемная лестница. Пахло затхлостью: плесенью с толикой гнили.

– Про него часто забывают, – шепнул я, делая шаг вперед; лестница была слишком узка для двоих. – А уборщики ниже второго этажа не спускаются – причем не из страха перед образцами; это их Адольф запугал.

– Меня он тоже запугал, – призналась она. – В прошлый раз он пригрозил проломить мне голову своей тростью.

– Да нет, Адольф нормальный. Просто слишком долго просидел наедине со своими монстрами. Прошу прощения. Мне не полагается их так называть. Это ненаучно. С «аберрантными биологическими видами».

Мы дошли до первой площадки. Вонь химикатов, едва маскирующая тошнотворно-сладкий аромат смерти, усилилась; эти два запаха вечно висели в Монстрариуме, как густой туман. Еще один пролет, и мы окажемся в паре шагов от кабинета старого валлийца.

– Ну, смотри, Уильям Джеймс Генри, если это розыгрыш... – шепнула она мне на ухо.

– Я не злопамятен, – отвечал я. – Это мне не свойственно.

– Интересно, что бы сказал на это доктор Джон Кернс.

Я повернулся к ней. Она отпрянула, пораженная гневным выражением моего лица.

– Я рассказал тебе об этом по секрету, – сказал я.

– И я его не выдала, – ответила она, выпятив вперед подбородок – жест, оставшийся у нее с детства.

– Секрет не в этом, ты же знаешь. Я убил Кернса не из мести.

– Знаю. – В полумраке ее глаза казались больше, чем обычно.

– Вот именно. Так мы можем идти дальше?

– Ты же сам остановился.

Я взял ее за руку и потянул за собой. Заглянул за угол, в кабинет куратора. Дверь оказалась нараспашку, горел свет. Адольф сидел за своим столом, откинувшись на спинку стула, запрокинув голову и приоткрыв рот. Лили за моей спиной прошептала:

– Шага дальше не сделаю, пока ты не скажешь мне...

Я обернулся.

– Хорошо! Я хотел, чтобы это был сюрприз, однако я ваш верный слуга, мисс Бейтс – и его тоже, – и вообще всеобщий верный слуга, как я уже неоднократно доказывал, в том числе, убив Кернса. Особенно убив Кернса... Это нечто особенное, уникальное, единственное в своем роде, драгоценное – ну, по крайней мере, для монстролога, – самая большая гордость Уортропа на сегодняшний день. Он выставит его на специальной ассамблее ежегодного конгресса. А что он сделает с ним потом, один бог знает.

– Что же это? – она затаила дыхание. Порозовела. Привстала на цыпочки. Никогда она не была так прелестна.

Ей, как и мне, как и вам, было ведомо неодолимое желание, безнадежное отвращение-притяжение безликой, безыменной твари, что зовется Das Ungeheuer.[1 - Das Ungeheuer (нем.) – чудовище, монстр, изверг. – Здесь и далее примечания переводчика.]

Которого мы так жаждем, и которое отталкиваем от себя. Которое есть мы и одновременно не-мы. Которое было задолго до нас и будет еще долго после нас.

Я протянул руку.

– Входи и смотри.

Часть вторая

Глава первая

Входи и смотри.

Мальчик в поношенной шапчонке на два размера меньше и высокий мужчина в белом запачканном халате, голый подвальный пол и стеклянные банки с янтарного цвета жидкостью, подвешенные к потолку. Длинный металлический стол и инструменты на крючках и сверкающих подносах, разложенные в строгом порядке, точно столовые приборы.

– Здесь я провожу почти все время, Уилл Генри. Ты будешь приходить сюда только со мной или с моего особого разрешения. Главное правило, которое тебе надлежит усвоить: если что-то шевелится, не трогай. Сначала спроси. Всегда прежде спрашивай... У меня есть кое-что для тебя. Это рабочий передник твоего отца, с большим пятном, следом от работы. Пока он тебе велик, так что осторожнее, не споткнись. Ничего, скоро подрастешь.

На рабочем столе в большой банке что-то шевелится, извивается. Что-то пучеглазое. Вислогубое. Когтистое. Острые когти скребут по стеклу изнутри.

– А что вы тут делаете?

– Что делаю...? – Он явно озадачен. – А что тебе рассказывал отец?

«Я много где побывал, Уилл. Я видел чудеса, которые в силах представить лишь поэт».

Пучеглазая тварь в банке смотрит на меня и скрипит, скрипит по стеклу своими когтями.

И высокий человек в запачканном белом халате отвечает сухим лекторским тоном, точно обращаясь к аудитории единомышленников в таких же запачканных белых халатах:

– Я ученый. Сфера моих научных интересов охватывает причудливую тихую заводь натурфилософии, называемую аберрантной биологией, но более известную как «монстрология». Я удивлен тем, что отец тебе ничего не говорил.

«Доктор Уортроп великий человек, занятый великим делом. И я никогда не отвернусь от него, даже если сам ад будет грозить мне своими огнями».

– Вы охотник за чудовищами, – сказал я.

– Ты меня не слушаешь. Я ученый.

– Который охотится на монстров.

– Который занимается изучением редких и, да, довольно-таки опасных видов, в целом неблагоприятно настроенных к человеку.

– Монстров.

Шр-р-р, шр-р-р, – царапается тварь в банке.

– Это условный термин, часто употребляемый не вполне корректно. Я исследователь. Я тот, кто приносит свет в доселе неосвещенные места. Я борюсь с тьмой, чтобы другие жили при свете.

А тварь в банке с безнадежным упорством ищет выход из своей стеклянной тюрьмы.

Шр-р-р, шр-р-р.

Глава вторая

В крошечном алькове, куда он пихнул меня, точно коробку с ненужным барахлом, наследством дальнего родственника, совсем не было света. Помню, как я умолял отца взять меня в путешествие с великим Пеллинором Уортропом, чтобы я тоже мог причаститься к «великому делу» и своими глазами увидеть чудеса, «которые может представить лишь поэт». Но в первые месяцы, проведенные в его доме, я не увидел ничего ни грандиозного, ни чудесного. Зато адских огней хватало.

Все начиналось, когда я погружался в прерывистый сон. Сначала я долго скулил в полной темноте, зная, что едва я начну забываться сном, истощенный своим неизбывным горем, мне явятся родители и будут танцевать среди языков пламени, и тогда он, точно подгадав, завопит высоким, пронзительным, полным ужаса голосом:

– Уилл Генри! Уилл Генри-и-и-и!

И я выскочу из своего закутка, скачусь по лестнице в темный холл и, продирая опухшие от слез глаза, ввалюсь в его спальню.

– А вот и ты! – Чиркает спичка; вспыхивает лампа у кровати. – Что? Что ты на меня так уставился? Разве твои родители не говорили тебе, что это невежливо?

– Вам что-то нужно, сэр?

– Нужно, мне? Нет, ничего мне не нужно. А почему ты спрашиваешь? – И он тычет пальцем в стул около кровати. Я опускаюсь на него, в висках у меня

бухает, голова клонится. – Что с тобой такое? Ты ужасно выглядишь. Тебе плохо? Джеймс никогда не говорил, что ты болезненный ребенок. Ты болен?

– Кажется, нет, сэр.

– Кажется? Любой дурак точно знает, болен он или нет. Сколько тебе лет, кстати?

– Почти одиннадцать, сэр.

Он хмыкает, оглядывает меня с головы до ног.

– Хм, какой-то ты мелкий.

– Зато быстрый. Я самый быстрый игрок в моей команде.

– Команде? Какой еще команде?

– По бейсболу, сэр.

– По бейсболу! Так ты любишь спорт?

– Да, сэр.

– А что ты еще любишь? Охоту?

– Нет, сэр.

– Почему же?

– Папа все обещает взять меня... – Я умолкаю, спотыкаясь об это обещание, которому не суждено сбыться. Уортроп сверлит меня взглядом, его глаза горят странным, пугающим огнем, идущим как будто из глубины его существа. Он спрашивал меня, не болен ли я, а сам похож на больного: темные круги под глазами, впалые щеки, щетина.

– Зачем ты плачешь, Уилл Генри? Думаешь, твои слезы вернут их?

Слезы без всякой пользы текли по моим щекам, сухим, как стигийские русла. Я едва сдерживался, чтобы не броситься ему на шею в надежде, что он меня утешит. В напрасной надежде. А ведь это было так просто.

Я не понимал его тогда.

Я и сейчас его не понимаю.

– Собери волю в кулак, – сказал он мне тогда строго. – Заниматься монстрологией – это не бабочек коллекционировать. Если хочешь остаться со мной, то должен привыкнуть к таким вещам. И к чему похуже тоже.

– Я останусь с вами, сэр?

Его взгляд проникал до костей; я хотел отвести глаза; я не мог их отвести.

– А чего ты хочешь?

Моя нижняя губа задрожала.

– Мне некуда больше идти.

– Не надо жалеть себя, Уилл Генри, – сказал он, человек, чья жалость к себе самому по накалу могла сравниться лишь со страстями в опере. – В науке нет места ни жалости, ни горю, ни другим сантиментам.

И мальчик ответил:

– Но я же не ученый.

На что взрослый возразил:

– А я не нянька. Итак, чего ты хочешь?

Сидеть за столом с матерью. Вдыхать теплый запах остывающего пирога. Смотреть, как она прячет выбившуюся прядку волос за ухо. Слышать ее голос: «Рано еще, Уилли, подожди, пока остынет; рано». И чтобы весь мир вокруг, до последнего дюйма, пах яблоками.

– Я могу отослать тебя обратно, – продолжал он; это было предложение, это была угроза. – Полагаю, что во всей Северной Америке вряд ли найдется человек, столь же мало приспособленный к воспитанию ребенка, как я. Для меня взрослые, и те невыносимы, а детей я вовсе не считаю людьми. Я способен на самое ужасное зло из всех возможных: случайно проявленную доброту. Меня нельзя назвать человеконенавистником, скорее наоборот, но антоним человеконенавистничества вовсе не любовь.

И он хмуро улыбнулся, глядя на мое озадаченное лицо. Он знал – наверняка знал! – что несчастный малыш перед ним не в состоянии понять его слова. Он, терпеливый садовник, опускал в землю семена, которым суждено дать всходы лишь через несколько лет. Зато их корни уйдут глубоко в землю, засуха, наводнения и морозы будут им не страшны, а годы спустя они дадут обильный урожай.

Ибо горечь не завидует радости. Горечь находит удовольствие в своем истоке. Он потерял мать в еще более раннем возрасте, чем я, и был отвергнут холодным и жестоким отцом. Так что монстролог хорошо понимал мою потерю. Он сам от нее страдал.

Он нашел себя во мне.

И меня в себе.

Время – прямая линия.

Но мы – круги на воде.

Глава третья

19 сентября 1911 года

«Дорогой Уилл,

Я не стал бы тебе писать, если бы благополучие твоего бывшего нанимателя не причиняло мне беспокойства. Как тебе известно, со времени твоего последнего визита я навещаю его регулярно. Боюсь, что его состояние изменилось к худшему».

Голый сук, серое небо, мертвый лист. И старый дом, светящий окнами в мрачных сумерках.

Я заколотил в дверь.

– Уортроп! Уортроп, это я, Уильям. – И тут же внутри раздался стон:

– Уилл Генри!

«Я бы не беспокоил тебя, если бы состояние его здоровья не внушало мне тревогу».

Холодный ветер, паутина, окна в корке грязи, покособившиеся деревянные рамы цвета пепла. Он что, замуровался в подвале? Или лежит наверху, без сил? Я порылся в кармане в поисках ключа. И чертыхнулся: похоже, я забыл его в Нью-Йорке.

– Уортроп! – Я опять заколотил в дверь. – Открывайте, черт вас дери!

Дверь отворилась, пронзительно скрипнув заржавленными петлями, и я увидел его, вернее, то, что от него осталось. Лицо серое, как старый штакетник. Глаза пустые, как вечернее небо. Он сильно похудел с нашей последней встречи, кожа висит складками, губы посерели, истончились, облепив зубы, слишком крупные на фоне истощенного лица. В одной костлявой руке он сжимал грязный

и рваный носовой платок, другой держал револьвер, дуло которого было направлено мне в лоб.

Мы долго смотрели друг на друга и молчали – нас разделяли порог и целая вселенная.

«Он не отвечает на мои звонки. Не открывает дверь. Но я решил, прежде чем сообщить властям, обратиться сначала к тебе. Ведь ты – его единственная семья, в широком смысле этого слова».

– Уортроп, – сказал я. – Что вы затеяли?

Его рот открылся, он произнес:

– Смотрю на него.

И упал.

Я отнес его наверх; в доме было не убрано, пыль взвихрялась под моими ногами и опускалась за моей спиной на пол. Монстролог был легок, как одиннадцатилетний мальчик. Я принес его в комнату, положил на кровать. Стянул с него ботинки. Накрыл одеялом. И сел в кресло – в то самое, где сидел двадцать четыре года назад. Сколько раз, сидя здесь, я слушал, как он ярится и ноет, читает лекции и нотации, разбирая меня по косточкам, словно я один из его чудовищных образцов. Он дышал коротко и прерывисто. Зрачки метались под черными, как уголь, веками. Как будто он не спал все эти годы, как будто, чтобы отдохнуть, ему нужен был я.

– Вы спите? – спросил я вслух. Мой голос повис в мертвом воздухе, словно туман. Он не ответил. – Да идите вы к черту, – сказал я. – Это вы заставили Моргана написать мне. Чего вы от меня хотите, Уортроп? Для меня здесь ничего нет. Да и для вас тоже, но это меня уже не касается. И никогда не касалось. Я был ребенком; какой у меня был выбор? Даже если бы вы колотили меня с утра до вечера и запирали на ночь в чулан, я все равно никуда бы не ушел.

Сидя, я снял пальто, свернул, положил на колени. Задрожал от холода. Снова надел. Дыхание превращалось в пар.

– Что я вам должен? Ничего. А если и был когда-то должен, то давно расплатился, причем стократ. Я ничего у вас не просил. Я не напрашивался на ваши... непреднамеренные жестокости.

В неестественных сумерках комнаты он не похож на старика. Скорее, на ребенка. Голодного, насмотревшегося ужасов, каких не полагается видеть ни одному ребенку. Я бы не удивился, увидев у него в руках потрепанную шапочку на два размера меньше.

– И все же вот он я. Все в том же проклятом кресле. «Шевелись, Уилл Генри!» Я здесь, необходимый, как обычно. «Да, доктор Уортроп. Сию минуту, доктор Уортроп!» Да ну вас к черту.

Я оставляю его одного и выхожу. В доме холодно, холоднее, чем на улице; наверное, он забыл заплатить за отопление, или котел опять сломался. Я щелкаю выключателем в холле, убеждаюсь, что свет не отключили. Спускаюсь вниз, поднимаю с пола револьвер, и захожу в кухню, где застаю настоящую гуманитарную катастрофу из протухшей еды, грязных кастрюль и тарелок, зарастающих плесенью чашек с недопитым чаем. Под раковиной что-то скребется. Крысы, наверное. Я поворачиваюсь к двери в подвал – надо спуститься туда, чтобы проверить котел, хотя подвал – последнее место в этом доме, куда мне хочется заходить. Именно там я потерял половину своего детства – и часть самого себя. Да, он сохранил его – мой палец, отрезанный ножом мясника, до сих пор плавает в формальдегиде.

– Вы сохранили его?

– Ну, не выбрасывать же его было.

Он сделал это, чтобы спасти мне жизнь. Тоже непреднамеренная жестокость.

На двери висит амбарный замок. Новехонький. С иголки. В прошлый раз ничего подобного не было.

Снова наверх. Он не пошевелился. Я стягиваю с него покрывало и ловко обшариваю карманы. Пусто. Уортроп, старый конспиратор, где ты спрятал ключ? И что у тебя там, в подвале?

Я снова накрываю его, сажусь в кресло, вертя в руках старый револьвер. Проверяю затвор. Пусто. Я негромко смеюсь. Ирония висит, как мертвые листья на деревьях.

– Я больше не приеду сюда, – говорю я ему. – Это последний раз. Вы сами постелили себе постель, вам на ней и спать. А прежде чем судить меня, вспомните – ни один создатель в истории еще не презирал своего творца.

– А как же Сатана? – Тонкий, как паутина, шепот с кровати. Значит, он не спит. Так я и думал.

– Сатана только разрушал, – отвечаю я. – Он не был создателем.

– Я говорю о том, кто сотворил его. О том, кто, любя всех, заточил его в ледяном озере на самом дне ада. Сатана ведь тоже был Его созданием: «Был некогда прекрасен столь же, сколь ныне безобразен...»

– Ну, что на этот раз, Уортроп? – простонал я. – Отчего вы умираете сегодня?

Тонкие губы раздвинулись в плотоядной ухмылке. Меня даже затошнило, глядя на него.

– Как всегда, Уилл Генри. Как обычно.

Глава четвертая

Уилл Генри-и-и-и-и!

Я снова спускаюсь во тьму. Он, как всегда, лежит на кровати, свернувшись калачиком, вцепившись обеими руками в простыни, точно ребенок,

проснувшийся после невыразимого кошмара. И вот мальчик садится в кресло, зевающий и сонный, но на него не обращают внимания. Ему не нужно было общество именно этого мальчика. Он жаждал аудитории. Аудитория годилась любая.

Глава пятая

– Почему здесь так холодно? – спрашиваю я его.

– Холодно? Не знаю. Я не чувствую.

– Когда вы в последний раз ели? Мылись? Меняли одежду? Думаете, мне не все равно, Уортроп? Думаете, я только и делаю, что ломаю голову, чем вы тут заняты в этом вашем... склепе? И нечего тут лежать и ухмыляться, как труп на поле брани. Говорите!

– Я нашел, Уилл Генри.

– Что именно?

– Ту самую вещь.

– Что? Какую еще вещь? Говорите яснее. У меня нет времени на ваши загадки.

Его глаза горели, – о, как мне был знаком этот взгляд, и как у меня заныло сердце, словно у путника в пустыне, который вдруг узрел воду, или у человека, который завернул за угол в большом городе и вдруг наткнулся на давно потерянного друга.

– «Выход за пределы Человечества невыразим словами...»

– Тут я с вами согласен, – сказал я. – Человечеству вы больше не принадлежите.

– Моя жизнь – работа, Уилл Генри.

- Работа? Уортроп, монстров больше нет, как нет и людей, охотящихся за ними.

Он покачал головой и тут же кивнул.

- Монстры будут всегда, но ты прав, я - последний в своем роде.

- Полагаю, это моя вина.

- Из тебя все равно ничего не вышло бы. Пусть лучше все кончится мной, чем посредственностью.

Я рассмеялся, услышав это оскорбление. А что мне еще было делать? Патронов-то в револьвере не было.

- Может, я и посредственность, но не по своей вине, - ответил я, снова возвращая разговор к теме творца и твари. - Разве Бог не мог сотворить Сатану прекрасным во всем? Ведь он же, в конце концов, Бог.

- Тут есть одно различие, - прохрипел старый монстролог. - Он - это он, а я нет.

- В смысле? Вы не Бог или вы не вы?

Он фыркнул и погрозил мне костлявым пальцем.

- Ни то, ни другое.

- Да, раньше вы выглядели лучше. Что с вами стряслось? - Я вдруг очень рассердился. - Что здесь происходит? Я ведь нанял девчонку - не помню ее имени, чтобы она готовила и убирала для вас...

- Беатрис, - подсказал он. Я поглядел на него внимательно: он что, шутит? Но он даже не улыбнулся. - Я ее уволил.

Я кивнул, внутренне закипая. Что-то во мне просилось на свободу, что-то темное, неуправляемое.

– Ну, еще бы! Я все думаю, Уортроп, что прикончит вас раньше: ваше титаническое эго или ваша непомерная жалость к себе?

– Это одно и то же, Уилл Генри. Всегда одно и то же.

Я смотрел, как текут его слезы. Сколько же раз он видел мои, когда я сидел в этом кресле?

– Почему вы плачете, Уортроп? – спросил я грубо. – Думаете, ваши слезы способны вернуть меня? – Нечто во мне продолжало рваться наружу. Его дар мне, его проклятие.

– Чего вы хотите? Уилл Генри исчез; его больше нет. Вам придется свыкнуться с этим.

Он снова растянул губы. Это была не улыбка; это была пародия на нее.

– Я свыкся. А ты почему не можешь?

Мы смотрели друг на друга через разделявшее нас огромное пространство.

Он во мне.

И я в нем.

В сумраке он мог сойти за жертву одного из своих ужасных образцов – жуткая ухмылка, выпученные немигающие глаза, бледная исхудавшая плоть. В каком-то смысле он и был жертвой.

Пожалуйста, не покидай меня, молил он когда-то. Ты единственное, что еще связывает меня с людьми.

Глава шестая

Я вхожу в спальню. Из зеркала на меня смотрит мальчик в маске мужчины: модный костюм, волосы на пробор, чисто выбритый подбородок. Его выдают лишь глаза: это по-прежнему глаза мальчика Уилла Генри, который глядит на мир недоверчиво, точно боится, что сейчас на него откуда ни возьмись выскочит что-то страшное. Эти глаза видели слишком много и слишком рано, смотрели слишком долго, не имея возможности отвернуться. «Отвернись, – шепчет мужчина мальчику в маске. – Не смотри».

Я набираю ванну и смачиваю в воде самое чистое полотенце, какое удастся найти (в шкафу нет ни одного). Возвращаюсь к нему в комнату.

– Что ты делаешь? – спрашивает он дрожащим от страха голосом, когда я подхожу к нему.

– От вас воняет. Хочу вас искупать.

– Я и сам в состоянии помыться, мистер Генри.

– Правда? Так что же вас останавливает?

– Просто я слишком устал сейчас. Дай мне отдохнуть немного.

Я хватаю его за запястье и сдергиваю с кровати. Он легко ударяет меня. Я кладу его руку себе на плечи и веду в ванную.

– Вот мыло. Вот мочалка. Полотенце. Закончите – позовете.

– Я уже закончил! – вопит он мне прямо в лицо и хохочет, как маньяк.

– А когда помоетесь, я вас побрею и соберу вам что-нибудь поесть.

– Знаешь, ты все же не мое создание, – говорит он.

– Нет, Уортроп, – отвечаю я. – Я вообще ничье создание. Просто ничье.

В кабинете ключа нет. Ни в одном из ящиков, ни на одной из пыльных полок и ни в одном из обычных тайников я его не нахожу. Здесь, как и везде в доме, все покрыто пылью вперемешку с иссохшими останками насекомых и патиной воспоминаний. Здесь он составлял все важные бумаги, писал письма и лекции для Общества. Здесь побывали многие светила прошлого: ученые, исследователи, писатели, изобретатели, знаменитости, в том числе пара президентов. Уортроп и сам был известен тогда, и даже довольно широко, правда, в узких кругах. Все это исчезло, ушло с орбиты его жизни, как только закатилась его звезда, как только в светильнике, которым он рассеивал тьму, кончилось масло, и тьма сомкнулась вокруг него. Письмо, оставленное без ответа, не поднятая вовремя трубка телефона, не принятое приглашение, и вот уже Пеллино Уортроп превратился в воспоминание, могучую фигуру, стремительно скрывающуюся за горизонтом. Уортроп? Да, конечно, я помню Уортропа! Погодите, Уортроп или Винтроп? А может быть, Вартрип? Хотя какая разница? А что с ним случилось, вы не знаете? Удача все же изменила ему?

На стене над его столом висит старая карта. Кто-то – скорее всего, он сам, поскольку я этого точно не делал, – пометил булавками все места, куда его заводила жажда знаний. Я знаю их все, потому что почти везде побывал с ним вместе. Канада, Мексика, Англия, Италия, Испания, Африка, Индонезия, Китай. Всюду, куда влекла его тьма. Я долго стою, глядя на старую карту. Сколько жизней он спас в каждой из этих булавочных головок, в одиночку выходя против ужасов, на которые другие не отваживались даже смотреть? Трудно сказать. Сотни, может быть, тысячи. Не исключено, что и больше. Один Магнификум был способен стереть с лица земли целый народ, а он его победил. Он, Пеллино Уортроп, чье имя теперь с трудом вспоминают куда менее значительные люди, чем он.

Что ж, ничего не поделаешь.

– Уилл Генри-и-и-и! – Его голос, странно далекий и слабый, долетает до меня сверху.

Я прикрываю глаза.

– Одну минуту! Помокните еще немного!

Я поступил неправильно. Начинать надо с самой закрытой точки и постепенно продвигаться наружу. Это более по-уротроповски.

Природа в своем развитии движется от простого к сложному, так же должны поступать и мы, ее прилежные исследователи. Столкнувшись с проблемой, начинай с поисков самого простого решения; таков путь самой природы.

Если ключ не в замке, значит, он где-то поблизости, чтобы легче было найти, когда он понадобится.

Если, конечно, он запер подвал именно для того, чтобы не выпускать кого-то изнутри, а не наоборот, не впускать снаружи.

Я нашел ее, Уилл Генри. Ту самую тварь. Труд всей моей жизни.

Я хлопнул себя ладонью по лбу. Конечно! Теперь я все понял. Лицо вампира, знакомый лихорадочный блеск в глазах, атмосфера тревожного спокойствия в доме. Монстролог рассыпался на части не оттого, что труд всей его жизни – а значит, и ее смысл – подошел к концу.

Я прервал его в самом разгаре дела.

Что же ты прячешь от меня в своем подвале, Уортроп? Какую ту самую тварь? Неужели ты не поделишься со мной своей находкой?

А может, ты отопрешь замок, распахнешь дверь и скажешь:

– Входи и смотри.

Часть третья

Глава первая

Я спрятал Лили в укромном уголке подальше от кабинета куратора.

- Сиди здесь, - сказал я ей. - Пойду, принесу ключ.

Она ахнула, напуганная и восхищенная.

- Неужели в Комнате с Замком?

- Я же говорю, это самый дорогой трофей Уорттропа. Довольно рискованно, кстати - не из-за самого чудовища, о нем не беспокойся; из-за Адольфа. Ключ висит на крючке прямо над его старой ворчливой башкой.

Я один вернулся к его кабинету. Это было опасное странствие через святая святых в поисках ключа. Путь, узкий и трудный, лежал мимо пронумерованных контейнеров, составленных по четыре, мимо журнальных и бумажных кип, доходивших мне до груди. Малейший толчок мог со страшным шумом обрушить любую из этих неустойчивых башен. Я протиснулся за кураторский стул; ключ висел на крючке прямо у Адольфа за спиной, под гербом Общества с латинским девизом Nil timendum est.[2 - Ничто не страшно (лат.).] Я заглянул в его запрокинутое лицо. Верхняя челюсть, изготовленная из зубов его родного сына, павшего на берегах Антиетама, немного отошла; он спал, открыв рот, но стиснув зубы, - это производило решительно странное, даже страшноватое впечатление. Но не это заставило меня отшатнуться. Несмотря на свои преклонные годы, Адольф спал чутко, к тому же всегда держал наготове тяжелую трость, один меткий удар которой мог запросто отправить меня в могилу до срока. Но я был не готов умирать, по крайней мере, не в тот вечер, когда меня ждала Лили Бейтс в прекрасном шелковом платье с кружевами, а ночь манила чудесами - такими, как закрытые контейнеры в кабинете куратора.

- В чем дело? - набросилась на меня Лили, когда я вернулся. Выражение ужаса на моем лице не укрылось от ее внимания.

- Ключа нет, - ответил я. - Кто-то взял его с крючка.

- Может, Адольф положил его в карман, для большей сохранности.

– Не исключено. Только обыскивать его я не буду. – И я провел по губам тыльной стороной своей четырехпалой ладони.

– Ладно, пойдем отсюда, – сказала она. Играла у меня на нервах. – В другой раз покажешь.

Я кивнул, схватил ее за руку и потащил вниз, в холл, дальше от лестниц, глубже во чрево Чулана Чудовищ.

– Уилл! – шепотом кричала она. – Где мы?

– Надо хотя бы взглянуть на комнату, на всякий случай.

– На какой случай?

– Ну, проверим, заперта она или нет. Убедимся, что его сокровище на месте.

– Сокровище, – эхом повторила она.

В глубине здания полы чуть заметно кренились на одну сторону. Воздух с каждым шагом как будто густел; дышать становилось трудно, всякий вдох требовал отдельного усилия. Черные стены, скользкий пол, низкий потолок. Мимо заполненных темнотой дверных проемов мы шли по коридору к единственной во всем Монстрариуме запирающейся двери: входу в Кодеш ха-Кодашим, Святая Святых, убежищу тех деток матушки-природы, которых она породила в припадке извращенного веселья и которые самим фактом своего существования разрушали самодовольное убеждение двуногих в том, что миром безраздельно правят всепрощающая любовь и чистый разум.

– Уильям Джеймс Генри, – прошипела Лили сквозь стиснутые зубы. И встала как вкопанная, отказываясь двигаться дальше. До Комнаты с Замком оставался всего один поворот. Она высвободила свою ладонь из моей и сложила руки на груди.

– С места не сойду, пока ты не скажешь мне, что там.

– Что? Только не говори мне, что неустрашимая Лиллиан Бейтс испугалась! – поддразнил ее я. – И это та самая девушка, которая с гордостью говорила, что станет первой в истории женщиной-монстрологом? Я поражен.

– Первое правило монстрологии – осторожность, – ответила она высокомерно. – Мне казалось, ученик величайшего в мире профессора аберрантной биологии должен это знать.

– Ученик? – я засмеялся. – Никакой я ему не ученик и никогда им не буду.

– О, вот как? Кто же ты тогда?

Я заглянул в восхитительную бархатную синеву ее глаз, казавшихся бездонными в сумерках коридора.

– Я – бесконечное ничто, из которого проистекает все.

Она рассмеялась и нервно потерла свои голые плечи.

– Ты пьян.

– Слишком загадочно для тебя? Что ж, тогда так. Я ответ на невысказанные мольбы человечества: я самый здравомыслящий человек в мире, ибо ничто человеческое не пятнает моего взора. Я – абсолютно объективный повествователь.

Но она снова стала серьезной и ровным голосом повторила:

– Что в Комнате с Замком, Уилл?

– Конец долгого пути, Лили. Финальная точка в большом тексте – для тех, кто умеет видеть.

Глава вторая

Все началось несколько месяцев назад, с появления неожиданного посетителя.

– Я ищу человека по имени Пеллино Уортроп, – начал он с порога. – Мне сказали, что он здесь.

Неопределимый европейский акцент, без ярких оттенков. Дорожный плащ, пыльный после долгого пути, прикрывал дорогой костюм. Высокий рост. Явно не беден. Под широким, скульптурной лепки лбом сверкали мудрые, как у птицы, глаза. Словом, в нем явно чувствовалась голубая кровь; происхождение придавало каждому его жесту легкий оттенок превосходства.

На Харрингтон-лейн за его спиной уже сгущались тени.

– Это дом доктора Уортропа, – сказал я. – По какому вы делу?

– Это касается только доктора и меня.

– А вы...?

– Я предпочел бы не называть свое имя.

– Доктор не имеет обыкновения принимать безымянных визитеров, приходящих с тайными миссиями, сэр, – ответил я беззаботно, и солгал. – Большое спасибо за визит.

И я закрыл дверь прямо у него перед носом. Подождал. Стук повторился, я открыл опять.

– Чем могу помочь?

– Я требую встречи с доктором Уортропом, немедленно. – Ноздри у него так и раздувались. – Наглый юнец!

- Кто требует?

- Вы видите здесь кого-то кроме меня?

- Я бы с радостью известил доктора о вашем приходе, но у меня строжайший приказ - не беспокоить его иначе, как по делу государственной важности. У вас дело государственной важности?

- Скажем, это вполне возможно, - ответил он загадочно и оглянулся на темневшую улицу у себя за спиной.

- Что ж, в таком случае, буду счастлив сообщить доктору о вашем приходе. Как о вас доложить, сэр?

- Господи! - не выдержал он. - Скажите ему, что пришел Метерлинк. Да, Метерлинк, этого достаточно. - Можно было подумать, что у него столько имен, что он не знал, какое выбрать. - Скажите ему, что пришел Метерлинк со срочным известием из Церрехона. Так и передайте!

- Разумеется, - и я закрыл дверь во второй раз.

- Уилл Генри.

Я обернулся. Монстролог вышел из кабинета.

- Кто пришел? - спросил он.

- Говорит, что его зовут Метерлинк, что этого хватит, и что у него срочное известие из Церрехона, которое может иметь государственную важность.

Его лицо побелело, как полотно, и он сказал:

- Из Церрехона? Ты уверен? Что же ты стоишь? Веди его сюда скорее, да ставь чайник, чай подашь в кабинет.

И он побежал прочь.

- Церрехон! – восклицал он на ходу. – Церрехон!

Когда я вернулся с чаем, они уже сидели у камина, погруженные в беседу. Человек, назвавшийся Метерлинком, метнул на меня исподлобья тяжелый взгляд, не оставшийся незамеченным Уортропом.

- Не волнуйтесь, Метерлинк. Уиллу вполне можно доверять.

- Простите меня, доктор Уортроп, но, чем меньше людей знают об этом, тем лучше для них самих и для всех остальных тоже.

- Я доверяю этому мальчику все, включая собственную жизнь – на него вполне можно положиться.

- Хм-м. – Метерлинк нахмурился. – Это, конечно, хорошо, но мне он не нравится. У него дурные манеры.

- А где вы видели шестнадцатилетнего юнца с хорошими манерами? Оставьте, выпейте лучше чаю. Сколько вам сахара – ложку, две?

Я сел на диван напротив и сделал то, что получалось у меня лучше всего и чему я в целях самосохранения научился с первых лет жизни у профессора: слился с мебелью. Думаю, что через пару минут оба уже забыли о моем присутствии.

- Однако, – продолжал монстролог, – ваши выводы, сэр, представляются мне слишком поспешными. В конце концов, он не показывался уже больше сотни лет.

- И по весьма основательной причине, – возразил Метерлинк. – Не стану выдавать себя за эксперта в вашей области, доктор Уортроп. Я не занимаюсь естественной историей; я бизнесмен. К вам меня направил мой клиент. Он сказал: «Идите к Уортропу. Он идентифицирует находку. Никто не сделает это лучше».

- Он не ошибся, – сказал доктор и серьезно кивнул. – Я действительно делаю это лучше всех. Причем с огромным удовольствием. Но есть одна проблема: находка не при вас!

Метерлинк жестом патриция отклонил возражение.

– Было бы не мудро с моей стороны носить ее с собой, так поступают только коммивояжеры. Она здесь недалеко, в полной безопасности, за ней присматривают так, как рекомендовал мой клиент. Если мы договоримся, я доставлю ее к вам через полчаса.

Уортроп прищурил глаз.

– Вы, как бизнесмен, конечно, понимаете, что товар нужно показывать покупателю? К тому же, если я и соглашусь на вашу цену, вы не увидите и пенни из ваших денег, пока я не увижу вещь.

– Тогда я спрашиваю вас, доктор Уортроп: договорились мы или нет?

Уортроп нахмурился.

– Договорились?

– Вы получите вещь сразу после того, как мы договоримся о цене.

– Я получу вещь не раньше, чем удостоверюсь, что вы не мошенник, который норовит залезть мне в карман.

Метерлинк запрокинул голову и громко, от души, расхохотался.

– Мой клиент предупреждал меня, что вы долларов на ветер не бросаете, – сказал он, отсмеявшись и переведя дыхание. Потом он посерьезнел. – Вы ведь понимаете, сэр, что десятки людей на вашем месте охотно отдали бы за мою находку столько золота, сколько весят сами; да что там золото, нашлись бы те, кто не пожалел бы за нее родное дитя. Как вы понимаете, все эти люди очень далеки от натурфилософии. Я могу обратиться к ним, и...

– Конечно, можете, – ответил монстролог, застывая в кресле. Он был в ярости, но его гость даже не догадывался об этом. С доктором Уортропом всегда было так: чем сильнее обуревали его эмоции, тем спокойнее он выглядел. – Если за живой

образец насыпать столько золота, сколько весит самый толстый человек в мире, этого и то будет мало. Однако вместе с ним на этот континент пожалует такая кара господня, рядом с которой пресловутые египетские казни покажутся детской забавой.

– А этого никто не хочет!

Уортроп закатил глаза. Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, потом сказал:

– Хорошо, допустим, образец действительно у вас и все это не шутка и не розыгрыш. Назовите вашу цену.

– Не мою, доктор. Цену устанавливает мой клиент. Я, как его посредник, получаю лишь скромные комиссионные. Пять процентов.

– И это...?

– Пятьдесят тысяч долларов.

Уортроп разразился лающим смехом.

– Это его цена?

– Нет, доктор Уортроп. Это мои комиссионные.

Уортроп считал лучше меня. Он тут же переспросил:

– Миллион долларов?

Метерлинк кивнул. И даже облизнул губы. И улыбнулся так, словно его позабавило ошеломленное выражение лица Уортропа.

– Человеку, о котором мы говорим, он обошелся втрое дороже, – добавил Метерлинк. – Так что даже за два миллиона вы приобрели бы его по дешевке. А за один это просто грабеж.

Уортроп кивнул.

– Грабеж не грабеж, но элемент кражи тут явно присутствует.

Он встал. Теперь он возвышался над Метерлинком, который вдруг сжался едва ли не до половины своего прежнего королевского размера, как съезживается кусок растопки, брошенный в весело потрескивающее пламя.

– Вон! – взревел Уортроп, полностью утрачивая самоконтроль. – Убирайтесь вон, вон, сейчас же, немедленно, и побыстрее, вы, презренный мошенник, вероломный, претенциозный негодяй, пока я не дал пинка вашей алчной заднице! Наука – не дешевая шлюха, которая продается и покупается по вашему желанию, а те, кто посвятил себя ей – не мягкотелые глупцы; по крайней мере, не все, и уж точно не я! Не знаю, кто вас послал, и посылал ли вас вообще кто-нибудь, но если так, то вернитесь и скажите ему, что Уортроп не клюнул на наживку. И не потому, что цена непомерно высока – что, кстати, так и есть, – а потому, что он не вступает в соглашения с самодовольными безмозглыми надувалами, которые почему-то полагают, что специалист в аберрантной биологии окажется слеп к абберрациям в человеческой природе! – Он повернулся ко мне, его глаза горели праведным гневом. – Уилл Генри, проводи этого... этого... торговца до двери. Доброго вам дня, сэр, и скатертью дорога!

И он вылетел из комнаты. Повисло неловкое молчание.

– Вообще-то я ожидал встречного предложения, – сказал Метерлинк тихо. Я заметил, что у него дрожат руки.

– Дело не в цене, – сказал я. Доктор не обеднел бы от одного миллиона. – Хотя называть такие цифры, не имея на руках товара, неумно.

– Я полагал, мы будем торговаться, как джентльмены.

– Среди монстрологов таких мало, – с улыбкой отвечал я. – В смысле, среди живых.

Я проводил его до двери, где подал ему плащ.

– Может быть, мне вернуться с образцом? – подумал он вслух, видимо, оценив мудрость моего комментария. – Если он увидит его своими глазами...

– Боюсь, теперь он откажется даже взглянуть на него. Мосты доверия сожжены.

Он ссутулился. Взгляд его стал несчастным.

– Конечно, я могу его продать, и за хорошую цену, если только меня не убьют раньше.

– Убьют вас? Кто?

Казалось, мой вопрос его поразил.

– Как кто? Разумеется, спекулянты.

Я открыл дверь, он вышел. Снаружи уже сгустилась ночь. Я вышел за ним, закрыв за собой дверь.

– Я совершил тактическую ошибку, – признал он. – Интересно, удастся ли мне разыскать другого натурфилософа, чтобы сделать предложение ему...

– Ваше намерение меня ободряет, – признался я. – Оно возвращает мне веру в то, что вы действительно хотите продать вашу находку ученому, а не барышнику. Это делает вам честь, Метерлинк. – Я огляделся и продолжал, понизив голос: как будто доктор мог прокрасться сюда за нами и, спрятавшись в кустах, подслушать наш разговор. – Не торопитесь. Так случилось, что финансы доктора, как и многие другие аспекты его жизни, находятся в моем ведении. Вы остановились в городе?

Он взглянул на меня с опаской. Потом кивнул: в конце концов, первые впечатления бывают обманчивы. Возможно, и он меня недооценил.

– В «Паблик Хаусе».

– Отлично. Дайте мне пару часов. Я поговорю с доктором. Он не обманул вас, сказав, что я пользуюсь его доверием. Возможно, мне удастся убедить его

взглянуть на это дело по-иному.

- Почему не поговорить с ним сейчас? Я подожду здесь...

- О, нет, не сейчас. Сначала он должен немного остыть. Вы порядком вывели его из терпения. В таком настроении, в каком он находится сейчас, его не убедить и в том, что небо голубое.

- Полагаю... - Он провел по губам дрожащей ладонью. - Полагаю, я мог бы прийти с ним сюда, но каковы гарантии...?

- О, нет, нет, нет. Вы абсолютно правильно поступили, что послушались внутреннего голоса и не принесли его сюда, - если, конечно, он и впрямь такой ценный, как вы говорите. Понимаете, за этим местом следят, разные грубые типы. Они знают, что в доме Уорттропа иногда творятся грязные дела - то есть я, конечно, не хочу сказать, что в сделке, которую предложили нам вы, есть что-то сомнительное...

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

- Должен признаться, еще две недели назад я даже не знал, что монстрология вообще существует на свете.

- Метерлинк. - Я улыбнулся. - Последние пять с лишним лет я каждый день хлебаю ее большой ложкой, и все равно до сих пор не уверен, что она действительно существует. Значит, через час в «Пабlike». Я буду ждать вас в гостинной...

- Пусть лучше наша встреча будет приватной, - прошептал он, уже вступив со мной в сговор. - Комната номер тринадцать.

- А. Счастливая чертова дюжина. Если через час мы не придем, можете считать, что нас не будет. Тогда поступайте так, как вам подскажет совесть, не забывая, разумеется, о деловых интересах.

- Нельзя сказать, чтобы они полностью друг друга исключали, - с гордостью ответил он. - Я не мошенник, мистер Генри!

Глава третья

Покуда Уортроп пыхтел и дулся в библиотеке, нянча свою уязвленную гордость и сражаясь с неуверенностью – единственным настоящим врагом его величия, – я готовился к экспедиции, укладывая в карман пиджака все необходимые припасы; и они, надо сказать, вошли туда до того аккуратно, что снаружи не было заметно совсем ничего. Потом я заварил свежего чаю и принес его в библиотеку, где поставил поднос с чашками на большой стол, за которым он, ссутулившись и бормоча себе под нос, рассеянно просматривал новейшее издание «Энциклопедии Бестий», этого авторитетнейшего собрания злых и вредоносных существ. Беспокойные пальцы, видимо, уже давно теребили густые волосы, так что те превратились в подобие нимба вокруг его лица, вроде тех, что окружают лики святых на византийских иконах. Когда я поставил поднос рядом с ним, он вздрогнул и спросил:

– Что это?

– Я подумал, что вы не откажетесь еще от чашечки.

– Чашечки?

– Чая.

– Чая. Уилл Генри, последний известный науке экземпляр Т. Церрехоненсис был убит шахтером в 1801 году. Этот вид полностью вымер.

– Шарлатан, павший жертвой собственной алчности. Вы правильно поступили, выставив его, сэр.

Я положил в его чай две ложки сахара и размешал.

– Ты знаешь, что я однажды выложил шесть тысяч долларов всего за одну фалангу пальца Иммундуса матертера? – спросил он. В его голосе слышалась нехарактерная для него мольба. – Я готов расставаться с деньгами ради расширения познаний человечества.

– Я не знаком с этим видом, – сознался я. – Неужели живой образец – если, конечно, он и вправду у него есть, – может стоить той суммы, о которой шла речь?

– Разве стоимость подобных объектов выражается в деньгах? Они бесценны!

– С точки зрения расширения познаний человечества...?

– Со всех точек зрения. – Он вздохнул. – И истребили его тоже не без причины, Уилл Генри.

– А.

– Что ты хочешь сказать своим «а»? Что это за «а» такое, а?

– Полагаю, что этим «а» я хотел согласиться с наличием некоей особой причины для полного истребления существа, представляющего угрозу жизни и конечностям млекопитающих.

Он покачал головой, не сводя с меня взгляда.

– Где я ошибся? Метерлинк – если, конечно, это его настоящее имя, в чем я сильно сомневаюсь, – безусловно, прав в одном: настоящий, живой экземпляр Т. Церрехоненсиса способен обогатить своего владельца так, что королям мировой преступности и не снилось.

– Вот как! Выходит, миллион долларов за такую штуку цена совсем не дикая!

Он напрягся.

– Не исключено, что этот экземпляр действительно последний в своем роде.

– Ясно.

– Что тебе может быть ясно? Ты же ничего о нем не знаешь, и я буду очень тебе благодарен, если сейчас ты закроешь эту тему и никогда не будешь касаться ее впредь.

– Но если существует хотя бы малейшая возможность...

– Разве я непонятно выразился? Ты задаешь вопросы, когда тебе следовало бы молчать, и держишь язык за зубами, когда надо высказываться! – И он с шумом захлопнул объемистую книгу. Звук получился громким, как удар грома. – Жаль, что мой отец уже умер. Будь он сейчас жив, я бы просил у него прощения за то, что в свое время не оценил его соломонову мудрость, когда он отправил меня, неразумного подростка, на воспитание за границу. Тебе что, больше делать нечего?

– Конечно, есть, – спокойно согласился я. – Надо сходить на рынок, пока он не закрылся, а то в кладовой совсем пусто.

– Я не хочу есть, – отрезал он и презрительно взмахнул рукой, отпуская меня.

– Вы, может, и нет, а я изрядно проголодался.

Глава четвертая

«Паблик Хаус» был лучшим заведением в городе. Удобные, изысканно обставленные комнаты и вышколенная служба сделали его любимым местом отдыха для всех богатых путешественников, устремлявшихся на восток по бостонской почтовой дороге. Был среди них и Джон Адамс, президент, – так, по крайней мере, утверждал хозяин гостиницы.

Тринадцатый номер находился в холле второго этажа, последняя дверь налево. Натренированная, хотя и абсолютно искренняя улыбка Метерлинка померкла, едва он увидел, что я пришел один.

– Но где же доктор Уортроп?

– Не расположен, – кратко ответил я, проходя мимо него в комнату. В камине трещал и шелкал поленьями огонь. На столике у кровати остывал чайник рядом с графином бренди. Окна выходили в большой сад, скрытый сейчас от глаз плотной завесой ночи. Сбросив пальто, я повесил его на спинку стула, стоявшего между столом и камином, решил, что пара глотков чего-нибудь крепкого согреет меня и взбодрит, и налил себе из графина.

– Доктор предоставил мне исключительные полномочия в решении этого вопроса, – сказал я. – Как я уже говорил, подлинность объекта волнует его куда больше, чем цена. Поймите, вы – не первый так называемый посредник, который появился у него на пороге с предложением продать ему некую природную диковину. – Я улыбнулся, – надеюсь, улыбка вышла теплой. – Когда я был моложе, я считал объекты, которыми занимается доктор, ошибками природы. Однако с тех пор мое мнение о них кардинально поменялось. То, что он изучает, вовсе не отклонения, напротив, это истинные шедевры природы, ее совершеннейшие формы, существующие за пределами платоновской пещеры. Кстати, отличный бренди.

Метерлинк нахмурился; он пока ничего не понимал.

– Так значит, Уортроп хочет пересмотреть мое предложение?

– Он удостоил вас сомнением.

– Так пойдемте к нему сейчас! – воскликнул он. – Эта история так обескураживает меня, что я уже жалею, что ввязался в нее. Чем скорее я избавлюсь от этого... шедевра, как вы говорите, тем лучше.

Я кивнул, одним глотком допил бренди, и сказал:

– Ни к кому ходить не надо. Я же сказал вам, Метерлинк: у меня исключительные полномочия в этом деле. Вам остается лишь позволить мне удостовериться в подлинности вашей находки. Где она?

Его глаза забегали.

– Здесь, поблизости.

Я засмеялся. Налил новую порцию бренди для себя, и еще одну – для него. Он принял ее без комментариев, и я сказал:

– Я подожду вас здесь.

Он прищурился. Нервно сделал глоток.

– В этом нет нужды, – сказал он, наконец.

– Так я и думал, – ответил я и опустился в кресло, вытягивая ноги к камину. – Давайте покончим с этим делом, и я пойду. Меня ждет доктор.

Он кивнул, но не двинул и пальцем. Из кармана сорочки я вынул незаполненный банковский чек и положил его на столик рядом с графином. Он допил свой бренди. Поставил пустой бокал рядом с чеком. Затем подошел к кровати, присел, вытянул из-под нее небольшой дощатый ящик и осторожно поставил его прямо на кровать. Его лицо покраснелось. Я встал, подал ему бокал, который наполнил, когда он отвернулся, и подошел к ящику. Крышка держалась на петлях. Я щелкнул замком и поднял ее.

Под ней, в гнезде из соломы, лежало яйцо – темно-серое, кожистое, размером и формой напоминающее страусиное. Его скорлупа – больше похожая на человеческую кожу, загрубевшую и шершавую от избытка солнца – слегка просвечивала; я увидел, как под ее поверхностью движется, пульсирует комок черноты, и мое сердце сильно забилося.

За моей спиной Метерлинк произнес:

– Вы даже не представляете, сколько с ним хлопот. Новая Англия – это вам не тропики, а его надо постоянно держать в тепле. Ночью я то и дело встаю, чтобы его проверить. Пододвигаю поближе к огню, чтобы оно не мерзло. Потом отодвигаю, чтобы не перегрелось. Я устал от него телом и душой.

Я рассеянно кивнул. Предмет в ящике занимал все мои мысли. Он наверняка был бесценен.

Метерлинк повысил голос.

– Ну, так как же? Вы удовлетворены? Можете забрать его, как только я получу чек. Обычно я беру только наличные, но на этот раз готов...

– Зря вы не принесли его с собой, Метерлинк, – прошептал я. Мне пришлось напрячь всю волю, чтобы не протянуть к яйцу руку, не дотронуться, ощутив под пальцами пульсирующую внутри теплую жизнь. – Увидь он его своими глазами, он бы забыл обо всем и купил его немедленно. – Я аккуратно опустил крышку. – Одни люди жаждут власти, другие – богатства. И только монстрологу нужно то, от чего другие стремятся избавиться. Еще не поздно. Думаю, мы договоримся.

Я повернулся спиной к кровати и вернулся к стулу между столом и камином. Он еще какое-то время стоял, потом со вздохом сел в кресло напротив. Потер глаза. Я снова наполнил его стакан.

– Один миллион долларов, – повторил он, хотя по тону было ясно, что это еще не последняя цена. Он был готов продешевить, лишь бы поскорее покончить с этим утомительным для него делом.

Я взял чек.

– Это слишком дорого, и вы это знаете.

Он потерял терпение.

– Тогда назовите вашу цену, мальчик. – Произнося это слово, он оскалился. Необходимость торговаться с человеком вдвое моложе себя ущемляла его достоинство.

Я играл с чеком, вертя его в пальцах, мое сердце сильно билось. Во мне боролись два противоречивых чувства – с одной стороны, я как будто уже бывал здесь, и мы с Метерлинком словно разыгрывали многократно отрепетированную сцену; с другой стороны, я чувствовал себя не участником, а зрителем драмы – беспокойным, слегка утомленным действием, с нетерпением ждущим антракта.

– Он не стоит денег, – сказал я, актер и зритель.

Он, потеряв дар речи, смотрел, как я разорвал чек надвое и сунул половинки в карман.

- Убирайтесь, - сказал он, когда к нему вернулась способность говорить.

- Но вы еще не выслушали мое встречное предложение. Я готов дать вам за это яйцо нечто куда более ценное, чем деньги. Метерлинк, ваша находка бесценна, и я отплачу вам тем же. Мне ведь не надо объяснять подробно, или как? Все знают, что дороже денег.

Он вскочил; кресло с грохотом упало на пол. Его рука нырнула в карман, и в следующую секунду вынырнула оттуда уже с «дерринджером».

- Слишком поздно, - спокойно сказал я.

- Нет, нахальный щенок, это для тебя слишком поздно. Убирайся отсюда!

Он покачнулся; пытался ухватиться рукой за стол, но комната вертелась вокруг него, ноги не держали, пистолет выскользнул из пальцев и упал на пол. Он широко раскрыл глаза, его зрачки расширились, веки затрепетали, как крылья бабочки.

- Что ты сделал? - раздался его хриплый шепот. - Что, во имя неба, ты сделал со мной?

- Небо тут ни при чем, - ответил я, глядя, как он соскальзывает на пол.

Глава пятая

Я поставил коробку на пол. Оттащил Метерлинка к кровати. Вынул из кармана шприц и положил на столик. Закатал ему рукав. Положил рядом со шприцем «дерринджер».

Сонное зелье потеряет силу минут через двадцать. Я засек время и стал ждать.

«В чем я ошибся?»

Ни в чем, сэр. В том, что касается меня, абсолютно ни в чем. Напротив, ваш успех превзошел всякие ожидания. Мудрый учитель всегда желает, чтобы ученик превзошел его, и я это сделал: моя лампада пылает куда ярче вашей; она освещает даже самые далекие углы, не оставляя в них и частицы мрака; мне видно самое дно колодца. И я вижу лишь то, что там есть, и ничего больше. В науке нет места сентиментальности.

Хотя когда-то я думал иначе.

Передозировка болеутоляющего. Или подушка, прижатая к лицу во сне. Оставалась одна проблема: как избавиться от тела? Как незаметно вынести его из комнаты? Предположим, мне удалось бы справиться с этим в одиночку, все равно последовали бы расспросы; я ничего не знал об этом человеке – кто он, откуда, кто его наниматель, существует ли он вообще, и знал ли кто-нибудь здесь о том, по какому делу он приехал. Вопросов было слишком много; слишком много мест, куда не мог дотянуться луч света.

Я налил себе еще бренди. В комнате стало жарко. Я расстегнул жилет, закатал рукава рубашки. Словно издали я следил за собой, приближающимся к кровати. Я никогда не бывал здесь прежде; я уже бывал здесь.

«Вы знаете, что это такое, Кендалл?»

Глазные яблоки Метерлинка задвигались, веки над ними задрожали. Я взял наполненный янтарной жидкостью шприц и покатал между ладонями – на одной было пять пальцев, на другой – четыре. Отсутствующий палец плавал в банке с раствором, предотвращающим гниение, в подвале дома доктора. Он отрубил его, чтобы я выжил. Для него это было необходимо. Ведь благодаря мне он еще оставался человеком.

Человек, лежавший на постели открыл глаза. За пару секунд до того, как мир вокруг него снова обрел четкость, я, не дав ему прийти в себя, сжал левой рукой его запястье и с силой вонзил иглу. Он напрягся, голова вскинулась с подушки навстречу моему лицу, – я навис над ним, словно любовник, готовый к поцелую. Отшвырнув шприц, я прижал ладонь к его шевелившимся губам и надавил.

– Ведите себя тихо и слушайте меня очень внимательно, Метерлинк, – зашептал я. – Ничего уже не исправить, и, если хотите жить, делайте, что я вам говорю. Малейшее отклонение от моих инструкций приведет к катастрофическим последствиям. Вы поняли?

Его голова задергалась под моей ладонью. В его мозгу еще не рассеялся туман от снадобья, но суть он уловил.

– Я ввел вам десятипроцентный раствор типоты, – сказал я, продолжая одной рукой зажимать ему рот, а другой держать его за запястье. – Это медленно действующий яд из сока пириты, дерева, растущего на одном крошечном островке в Тихом океане, недалеко от Галапагосского архипелага; его называют островом Демонов. Типота – греческое название. Вы знаете греческий, Метерлинк? Нет? Неважно.

Я вкратце рассказал ему историю этого яда, открытого еще древними финикийцами и ими же завезенного в Египет, объяснил, почему именно его предпочитали наемные убийцы и агенты секретных отделений разных полиций мира (яд, принятый в определенных дозах, действовал чрезвычайно медленно, позволяя убийце скрыться с места преступления раньше, чем возникнут подозрения), описал его ощущения в ближайшем будущем – головная боль, сердцебиение, нехватка воздуха, головокружение, тошнота, бессонница; я читал свою лекцию монотонным голосом человека в белом халате, обращающегося к аудитории единомышленников. А Метерлинк корчился и, широко раскрыв глаза, часто с готовностью кивал. Не удивительно – ведь это наверняка была самая важная лекция в его жизни.

– У вас есть примерно неделя, – продолжал я. – Через неделю ваша сердечная мышца лопнет, а легкие разорвутся на куски. Единственная надежда – получить антидот раньше, чем это случится. Вот. – Я сунул клочок бумаги в его нагрудный карман. – Здесь имя и адрес.

«Доктор Джон Кернс, Лондонский королевский госпиталь, Уайтчепел».

– Если вы уедете отсюда сегодня вечером, времени как раз хватит, – сказал я. – Этот человек – добрый друг доктора, кстати, он и сам доктор, но при этом физическая и духовная противоположность Уортропа, человек, который видел дно колодца, если вы понимаете, о чем я. Он даст вам антидот, если вы назовете

ему яд: типота. Не забудьте.

Я сделал шаг назад, взял с тумбочки «дерринджер».

Его рот открылся, и он сказал:

– Вы сумасшедший.

– Напротив, – возразил я, – я самый здравомыслящий человек в мире.

И указал пистолетом на дверь.

– Торопитесь, Метерлинк. У вас на счету каждая секунда.

Еще с минуту он смотрел на меня, его влажные губы кривились от страха и ярости. Потом подполз к краю кровати, спустил ноги, оттолкнулся и тут же с испуганным криком упал на пол. Свалило его, разумеется, не до конца выветрившееся снотворное, а вовсе не подкрашенный соляной раствор, который я ввел ему в вену. Без всякой задней мысли он потянулся ко мне – нормальный жест человека в беде, нуждающегося в помощи. Но я смотрел на него сверху, из разреженных слоев атмосферы. Метерлинк был не более чем пылинкой у моих ног, столь мелкой, что я не различал черт его лица, хотя одновременно видел его насквозь, до мозга костей.

Я мог его убить. Он был в моей власти. Но я удержал руку мою, и разве я не милосерден после этого?

Глава шестая

Монстролога я застал в библиотеке, там же, где и оставил; открытый томик Блейка лежал у него на коленях, но он не читал; с меланхолическим выражением лица он смотрел прямо перед собой. Он никак не отреагировал на мое появление, не встал, чтобы поприветствовать меня, не спросил, куда я ходил и почему так долго отсутствовал. Закрыв глаза и сплетя пальцы на книге, он откинулся на спинку стула и заговорил:

– Я решил, что поступил опрометчиво, не попросив у Метерлинка доказательств того, что он не обманщик. Если его находка подлинная, она навеки укрепила бы мою репутацию лучшего практикующего ученого в моей сфере.

– Ваша репутация и так незыблема, вы сами доказали это множество раз, – отвечал я.

– Ах. – Покачивание головой. – Слава скоротечна, Уилл. Да и не славы я жажду; бессмертия.

– Может быть, вам обратиться к священнику?

Он усмехнулся. Приоткрыл правый глаз, взглянул на меня, закрыл снова.

– Слишком легко, – буркнул он.

– Что же тогда?

Он откашлялся.

– Меня всегда удивляло вот что – если рай действительно такое замечательное место, почему же туда так легко попасть? Покаяться в грехах, попросить прощения – и все? И не важно, что именно ты натворил в жизни?

– Я не бывал в церкви с тех пор, как умерли мои родители, – ответил я. – Но, если мне не изменяет память, есть пара-тройка грехов, за которые не предусмотрено прощения.

– Ну, и что это за бог тогда такой? То у него любовь без границ, то нет прощения. Если божественная любовь действительно безгранична, то она

должна прощать все. Если ей есть предел, то надо выбрать бога почестнее!

Он положил книгу на стол и встал. Скрестил длинные руки на затылке, потянулся.

- Терпеть не могу тайн без разгадок. Скажи мне, куда ты его отнес?

Я не стал разыгрывать невинность. Да и к чему?

- В подвал.

Он кивнул.

- Я должен на него взглянуть.

- Он живой, - предупредил я.

- Ну, разумеется. Иначе ты не был бы сейчас здесь.

Он встал передо мной, положил руки мне на плечи и впился в меня своими темными сверкающими глазами, взгляд которых проникал до костей.

- Надеюсь, ты не переплатил.

- Метерлинк получил то, что и должен был, - сказал я.

- Теперь ты борешься с искушением похвастаться.

- Нет. - Честный ответ.

- Ну, значит, хочешь отчитать меня за то, что я сорвался.

- Вас? Да вы самый уравновешенный человек, которого я знаю. Вы же сами столько раз мне твердили: человек должен властвовать над своими страстями, иначе они начнут властвовать над ним.

Правда, есть еще другой вариант: не заводить никаких страстей, чтобы избежать искушения.

Он громко засмеялся и хлопнул меня по плечу.

– Ладно, пойдем лучше, поглядим! Хотя он и живой, как ты говоришь, но вполне может оказаться не тем, за что его принимают.

Он не расспрашивал меня о подробностях нашей с Метерлинком сделки, ни в ту ночь, и никогда после. Не интересовался ни ценой, ни подробностями нашего договора, ни тем, почему я решил пойти к Метерлинку сам, не сказав ему. При всех своих недостатках, Уортроп был не из тех, кто смотрит дареному коню в зубы. На пути к бессмертию это явно лишнее. Он по-своему гордился мной, как командир может гордиться рядовым, проявившим решительность и инициативу в бою.

Что до Метерлинка, то я никогда о нем больше не слышал. Могу лишь предполагать, что он помчался в Лондон разыскивать мертвеца, чей труп давно расклевали птицы на острове в шести тысячах миль от Англии. Не найдя ни врача, ни антидота – обоих не существовало в природе, – он, вероятно, думал, что обречен, пока не истек роковой срок. Иногда я думаю, чего в его сердце было больше: радости, когда неминуемая смерть прошла стороной, или ярости оттого, что его так жестоко обманули. Возможно, ни того, ни другого; а возможно, и то, и другое вместе. Какая разница? Для меня точно никакой. Он получил бесценный подарок, а я – награду, неизмеримую в деньгах.

Часть четвертая

Глава первая

– Уилл! – прошептала Лили, выслушав мою историю – точнее, ее часть. – Т. Церрехоненсис! – Этого не может быть,

- Может, - сказал я.

- Они же почти сто лет как вымерли...

В лавандовом платье, глядя бездонными синими глазами мне в лицо, она крепко сжимала мое запястье.

- Так все и считали, - сказал я.

Я в утреннем костюме, мои длинные, по моде, волосы уложены гелем, я улыбаюсь, глядя ей в глаза.

- Ты удовлетворена? - шепнул я. - Мы можем идти дальше? Или лучше вернемся? Танцы, правда, кончились, но я знаю один клуб в Ист-Сайде...

Но она нетерпеливо поджала губы, встряхнула кудрями, и ее сияющие глаза вспыхнули нестерпимо ярким для столь тусклого окружения блеском, и я чуть не поцеловал ее там же, не сходя с места, такую, какой она была в тот миг - в лавандовом платье и шелесте кружев вокруг обнаженных плеч. Но мужчина должен властвовать над своими страстями, иначе они станут властвовать над ним - если, конечно, они у него есть. В этом и заключается камень преткновения, центральный вопрос, главная проблема.

- Идем, конечно, - сердито ответила она. - Не будь дураком.

- Я не дурак, не бойся, - заверил я ее и, твердо сжав в своей ладони ее руку, потянул за последний поворот, в крайнюю точку лабиринта, туда, где нас ждала Комната с Замком.

Там я на мгновение задержался, одной рукой отталкивая ее от двери, другой нащупывая в кармане револьвер доктора.

Дверь была распахнута настежь.

Комната с Замком больше не была заперта.

На пороге лицом вниз лежал мужчина, лужа крови под ним черно блестела в янтарном свете.

За моей спиной громко ахнула Лили. Я сделал шаг вперед, осторожно переступил через тело и заглянул в комнату.

– Уилл! – тихо позвала она, подходя ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/rik-yansi/stupeni-veduschie-v-bezdnju/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Das Ungeheuer (нем.) – чудовище, монстр, изверг. – Здесь и далее примечания переводчика.

Ничто не страшно (лат.).

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/rik-yansi/stupeni-veduschie-v-bezdnu-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)